

от 8 янв 1912

5 Аркадий РАЙКИН:

МОЕ БОЛЬШОЕ СЧАСТЬЕ...

— Нужно видеть жизнь такой, какой она есть. С ее солнечными и тенивыми сторонами. И говорить об этом честно и правдиво. Как умеют честные и партийные люди...

Это говорит Аркадий Райкин. Говорит о своем искусстве, о зрителе, о себе.

Настраиваясь на эту встречу с артистом, я жил, если можно так сказать, предвкушая смешное. Но Райкин размышлял. Иногда чуть улыбаясь. Иногда чуть грустно. И все время серьезно. И это было — по крайней мере для меня — несколько неожиданно.

Серьезный Райкин... Посеребренные седinou волосы... Стройный и пластичный, как артист балета... Застенчивая, чуть-чуть извиняющаяся улыбка... «Райкинский» голос...

— Мне ближе всего не просто юмор, а юмор, окрашенный чувством... — Это Райкин повторил несколько раз.

Собственно, наша беседа с этого и началась. Прочитав мнение народного артиста СССР Яншина о Райкине (а Михаил Михайлович назвал его самым любимым своим артистом за то, что, помимо юмора и мастерства трансформации, он показывает замечательную трогательность и лиричность), я попросил Райкина прокомментировать эти слова. Он сказал:

— Мне очень лестно слышать это именно от Яншина. Его мнение для меня очень дорого. Лиризм, так присущий Яншину, позволил ему усмотреть в лиризм во мне. Для меня, сатирика, это очень лестно. Сатирик обязан быть добрым, обязан думать о добрых людях.

И вот тогда я спросил:

— Какие человеческие недостатки вы менее всего склонны прощать?

— По-моему, самый страшный человеческий недостаток — равнодушие. Равнодушный человек пройдет и мимо хорошего, и мимо плохого... Все недостатки, связанные с различными хозяйственными заботами, недостатки, связанные с экономической, — это тоже страшно... Наш театр готовит новую

программу, где главной темой будет экономика. Сейчас это, по-моему, сама злободневность...

— Но вы и раньше обращались к этим темам... Знаменитое: — Где работаешь? — В стройке. — Что делаешь? — Курю...

— Соображать надо! Тогда будет один большой порядок, один маленький перекур!.. Да, у нас были хозяйственные интермедии. Но я сейчас говорю о главной теме всего спектакля. Мы хотим сделать его практическим и деловитым. Для сатирика самое важное, самое главное — чтобы сатира достигла цели... Как-то в «Ленинградской правде» появилась передовая статья, где упоминалась наша миниатюра. Передовая призывала работников предприятий города исправить недостатки, о которых шла речь в этой миниатюре... Для меня такая передовая дорожке всяких хвалебных рецензий, всяких хороших слов журналистов...

— Вы любите давать интервью?

— Я люблю беседу. Люблю умного, знающего собеседника. В этой беседе я познаю новый характер, и мне это пригодится в моей работе. Может быть, не сейчас и даже, может быть, не через год, но я уверен: пригодится. И я не избегаю бесед, наоборот, стремлюсь к ним. Ибо я обязательно узнаю что-то новое. А для меня, как для любого актера, это счастье...

— Счастье человека... Счастье актера... Ваше представление о несчастье?

— Несчастье, насколько я понимаю, антипод счастья... Эти понятия крайне субъективны... Человек болеет — это несчастье. Для него счастье — быть здоровым. Он выздоровел — стал счастливым и забыл о своей болезни, забыл, что он счастлив. Теперь у него другие критерии счастья. У него — маленькая квартира. Он считает это несчастьем. Он получает новую — это счастье. И так всю жизнь... В общем, все это крайне субъективно... Сейчас для меня счастье — быть здоровым, делать свою любимую работу и иметь возможность быть полезным лю-

дям. Это великое счастье, когда зритель вместе с тобой грустит, страдает, радуется, смеется...

— Аркадий Исаакович, вы сказали: смеется. А я подумал вот о чем. Вы умеете заставлять смеяться, как говорят, до изнеможения. А сами вы во время выступления смеетесь?

— Мне очень весело, когда в зале я вдруг слышу смех хорошо знакомого мне человека... Ну а вообще-то артист всегда смеется вместе со зрительным залом. Я бы сказал так: не смеясь, невозможно заставить смеяться... И вот еще что заметил. Стоит тебе самому усомниться хоть за секунду до очень смешного места — а действительно ли это так смешно, как зритель не смеется. Оказывается, есть определенные законы смеха... Зрительный зал не учитывать я не могу. Я обязан реагировать на него... «Герой» мой злится — я это отчетливо воспринимаю. И, конечно, эта встреча с «героем» меня расстраивает...

— Но и он «расстраивается» от встречи с вами...

— Ну, во всяком случае во время выступления он молчит. По крайней мере не кричит на весь зал: «Это про меня». Потом, правда, может написать... По инстинктам... Сатирическое искусство — не безобидное искусство. Если бы оно было безобидно, оно бы не достигало своей цели. А если цель достигнута — актер счастлив. И счастлив оттого, что сделано это во имя добра и от имени добра. В этом смысл жизни актера-сатирика...

— Если бы вы не стали актером, кем бы вы хотели стать?

— Я окончил школу с химическим уклоном. Работал лаборантом на химическом заводе. Вероятно, в этой области так бы и остался по сегодняшний день. Но все дело в том, что я еще любил рисовать, любил театр, музыку — одним словом, искусство. Оно влекло меня с самого раннего детства. Так что все равно я бы к этому пришел...

— А вы не жалеете, что не стали художником, музыкантом?

— Мне кажется, что все

виды искусства как-то соприкасаются друг с другом. Они смежные. Никто из артистов до сих пор еще не жаловался, что умеет рисовать, не жаловался на свою пластичность, музыкальность. Думаю, что мне это тоже не мешает. Не мешает это и нашему театру. Музыка у нас — непременный участник спектакля.

— Ваш любимый музыкальный инструмент?

— Скрипка. Она всегда вызывает грустные воспоминания детства. Когда мне было пять лет, отец подарил мне скрипку. Он решил, что я научусь на ней играть. Была зима: скрипка хорошо скользила по снегу... Много лет спустя я упрекнул отца, почему он меня не научил играть на скрипке. Отец посмотрел на меня и сказал: «Я же тебе купил скрипку. Разве этого мало?» И вдруг я прочел в его глазах мечту. Мечту, которая не осуществилась. В то время я был химиком...

— К какой из наук вы питаете сейчас наибольшее уважение?

— К биологии. К физике. А может, скорее всего к обеим вместе. Еще точнее, вообще к науке. Сейчас все науки связаны между собой.

— Люди науки любят пошутить... Чем вы это объясните?

— Я отвечу словами Эйнштейна: «Серьезный человек радуется, когда ему удастся хоть раз посмеяться от чистого сердца».

— Как вы относитесь к людям, подшутившим над вами?

— Соответственно... Я так же смеюсь вместе со всеми...

Райкин дома... Он размышляет... Райкин на сцене... Голоса, голоса. Образы, маски. Доброе и недоброе. Смешное и грустное. Трогательное и злое. Топчущееся на месте и устремленное в завтра. Все как в жизни. Все...

Спрашиваю Райкина:

— Есть ли у вас любимый персонаж?

— Есть. Мудрый, чистый участковый врач, директор завода, защищающий интересы рабочего, любой мой герой, принимающий близко к сердцу человеческие горести и несчастья... Е. ФАДЕЕВ.